

18+

Сергей Пилатов

СЕРЕГА

Или... мальчик, юноша, мужчина
в последние годы советской эпохи

Книга первая

ЛЕНИНГРАД

Сергей Пилатов
Серёга. Книга первая

«Издательские решения»

Пилатов С.

Серёга. Книга первая / С. Пилатов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-608776-7

Данная книга «Серёга» является частью гексалогии о мальчике, который родился в конце пятидесятих годов прошлого века в СССР, дожил до начала 1990-х, когда СССР не стало, и живёт до сих пор, пройдя через все смутные и непростые времена. В первой части говорится о постоянных поисках себя и своего папы. О детстве, которое было проблемным, но очень интересным.

ISBN 978-5-00-608776-7

© Пилатов С.
© Издательские решения

Содержание

Часть первая. В поисках себя	6
Появление на свет	6
Серёга в центре города трёх революций	7
Жизнь на окраине	11
Меньше ешь и меньше пей...	13
Я поэт, зовусь Серёга...	15
Школьные годы... чудесные?	18
Братик Коля	20
А может, всё-таки пионер-революционер?	22
Как пристроить свои таланты?	23
Серёга – несостоявшийся музыкант	24
Серёга и театр	26
Предательство театра во имя славы на голубом экране	29
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Серёга

Книга первая

Сергей Пилатов

*Благодарю за содействие
в создании книги «Серёга»:
Пилатову Ольгу Ивановну,
Кангур Марину Анатольевну,
Пилатову Наталью Сергеевну,
Пискарёва Сергея Львовича
Пилатову Елену Генриховну*

Редактор Ольга Ивановна Пилатова
Корректор Анна Асонова

© Сергей Пилатов, 2024

ISBN 978-5-0060-8776-7 (т. 1)

ISBN 978-5-0060-8777-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

В детстве у Серёги была небольшая квадратная красная книжечка с названием «Мальчик. Юноша. Мужчина» издания 1968 года. Её можно было назвать настольной. Там рассказывалось о том, что надо делать мальчику, чтобы стать мужчиной, начиная от описания особенностей тела и организма мальчика и заканчивая навыками общения с девочками, включая намёки на возможное сексуальное сближение во имя рождения детей. Картинки женского тела в разрезе вызывали безусловное внимание мальчика, а несколько корявая попытка дать ответ на вопрос «Откуда берутся дети?» вызывала ещё больше вопросов.

Так воспитывали советских мальчиков. В книжке много говорилось и о том, какими физическими упражнениями надо заниматься, чтобы накачать мышечную массу, как чистить зубы и умываться, и как подготовить себя к службе в Советской Армии, и как любить Родину, каким надо быть октябрёнком, пионером, комсомольцем.

Мальчики, появившиеся на свет в конце пятидесятых – начале шестидесятых годов прошлого столетия и прошедшие через все требуемые испытания: детский сад, школа, институт, армия – оказались в свободном рабочем полёте в самое интересное время, которое называли временем перемен. Они успели побыть и октябрятами, и пионерами, и комсомольцами, внезапно столкнувшись с новыми реалиями, разрушающими постулаты, заложенные в маленькой красной книжке.

История мальчика, юноши, мужчины Серёги не совсем типична и, возможно, разрушает некоторые стереотипы в отношении ужасов и достоинств советской эпохи. Но, как минимум, достойна того, чтобы её выслушать.

Часть первая. В поисках себя

«Многие взрослые в детстве рисовали, писали стихи, играли в школьном театральном кружке, но ни художниками, ни поэтами, ни артистами впоследствии не стали...»

Сергей Михалков (из книги «О самом себе»)

Появление на свет

Была суббота, конец лета. Мама переживала: а появится ли он в день её рождения или это случится раньше? Если дни рождения совпадут, можно сэкономить на праздниках. Мама не знала, кто появится на свет: мальчик или девочка, но, наверное, хотела девочку, потому что мальчик у неё уже был. А он знал, что он – мальчик и хотел быть мальчиком.

Он торопился. Он очень хотел на свободу. Он хотел быть свободным. И появился на свет на четыре дня раньше дня рождения своей мамы, чем надолго подпортил себе радость от праздника рождения, так как через четыре дня о нём уже забывали, а до этого просто не помнили.

Но ребёнок, появляющийся на свет, не мерил свою жизнь такими длинными перспективами. Ему бы вырваться на свет и вволю поплакать.

Что он и сделал. Насколько он был желанен этому свету и своей маме, его не очень интересовало. Он был вторым сыном у мамы и зачат был в период уже предполагаемого расставания мамы со своим мужем, и мог бы присвоить себе статус «жертва несостоявшегося аборта», но слов таких не знал.

Он не помнит, кто его встречал в роддоме, но, когда его привезли в комнату в коммунальной квартире, вдруг ощутил почти удивительную любовь со стороны пятидесятидевятилетней женщины, которая была его бабушкой, то есть мамой мамы. А Серёга смотрел на бабушку своими маленькими круглыми голубыми глазами, выражая признательность за эти первые ощущения любви.

Потому и сомнений не было, что получит он имя в честь любимого мужа бабушки, которого звали Сергей и чьё имя было отображено в отчестве мамы – Сергеевна. Дед Сергей погиб в первый год войны, в 1941 году, добровольно уйдя в ополчение – воевать с деревянным ружьём против немцев. Могилу его так и не нашли, а в справке написали: пропал без вести.

Можно понять, почему бабушка Маша обращалась к одному из своих внуков «Серёженька», испытывая при этом особые чувства.

Серёга в центре города трёх революций

Из родильного дома Серёгу привезли на улицу, которая носила имя Куйбышева. Вряд ли кто-то из проживающих на этой улице знал, кто такой Валериан Куйбышев. Все были уверены, что улица названа в честь города Куйбышев (ныне Самара). Уверен, что и сейчас (а улица сохранила своё название) вряд ли кто-то вспомнит этого известного политического деятеля тридцатых годов прошлого столетия, верного соратника И. Сталина.

А улица эта находилась в самом центре Ленинграда. Представьте, что может вырасти из человека, если его с самого рождения возят в коляске, носят на руках, затем ведут за ручку по историческим местам, по Петровской набережной, на которой внутри небольшого сквера находился павильон, вмещавший в себя небольшой деревянный дом. Это был первый дворец Петра Первого. Внутрь павильона Серёга зашёл только тогда, когда уже двигался самостоятельно. Прекрасный и неповторимый Кировский проспект (ныне Каменноостровский), кругом, куда ни помотришь, шедевры архитектуры и полная архитектурная гармония, красота! Можно было отдохнуть в зелёном и необычайно гармоничном парке имени Ленина (ныне Александровский парк), в котором почему-то наибольшее впечатление на подрастающего Серёгу производил памятник миноносцу, герою русско-японской войны «Стерегущему», который состоял из двух фигур моряков, пытавшихся закрыть пробоину в борту своего миноносца. До самого взросления Серёга был уверен, что это был небольшой фонтан и из пробоины реально текла вода. Но никакой воды там никогда не было, просто памятник был весьма реалистичен, и фантазия у Серёги была хорошо развита.

А недалеко на Заячьем острове – Петропавловская крепость. Петропавловский собор, где имеются захоронения большинства русских царей, мало интересовал Серёгу, и он частенько, как только получил право на самостоятельное передвижение, напрямик заходил в тюрьму Петропавловской крепости – Трубецкой бастион, где любил посидеть в камере на железной кровати, и со странным чувством ненависти к самодержавию разглядывал две фигуры царских охранников.

Когда Серёге исполнилось шесть лет, его стали выпускать на улицу самостоятельно под присмотром старшего брата Андрюхи, который был всего на полтора года старше его. Можно даже сказать, что не просто выпускали, а выгоняли на улицу, так как в комнате было тесно. Удивительное было время. Два маленьких мальчика могли самостоятельно и свободно гулять по центру Ленинграда, и родители нисколько за это не переживали.

Дом номер десять, в котором проживал Серёга, находился по соседству с Музеем Великой Октябрьской социалистической революции (особняк Матильды Кшесинской), с балкона которого Владимир Ильич Ленин, вождь Октябрьской революции, именно к революции и призывал толпы скопившихся поклонников.

В этом соседнем доме маленький Серёга пребывал постоянно и больше всего заворуженно стоял у диорамы «Штурм Зимнего дворца», которая при подходе группы туристов начинала оживать: слышались крики «Ура!», выстрелы и взрывы. Благо вход в Музей революции был бесплатным для всех.

Гулять вблизи своего дома так или иначе приходилось только по историческим, революционным местам или среди архитектурной красоты, в которой шестилетний Серёга не очень разбирался. А вот напротив Петропавловской крепости находилось загадочное двухэтажное здание из красного кирпича, напоминавшее маленький замок, перед которым за красивой решёткой стояли самые разные пушки, танки, ракетницы, боевые машины, которые можно было... трогать и – о боже! – даже забираться и сидеть на них. Это был Военно-исторический музей артиллерии, инженерных войск и войск связи – один из старейших музеев. Что такое инженерные войска, Серёга не знал, связь Серёгу интересовала не очень, а вот на всей военной

технике он успел посидеть, включая танки, боевые машины пехоты и настоящие «катюши», а также совсем примитивные пушки, которые стреляли ядрами и которыми давным-давно разрушали стены крепостей.

Если оставалось время, можно было по набережной добежать до крейсера «Аврора». А какой нормальный мальчишка не мечтает побродить по настоящему кораблю? Серёга был нормальным мальчишкой и бродил по крейсеру с огромным удовольствием, не понимая, стоя у знаменитого орудия, как оно могло пальнуть по Зимнему дворцу даже холостым орудием, если он так далеко за углом. А о том, что выстрел был, Серёга узнал в Музее революции.

Но было и одно исключение. Серёга почему-то очень боялся дома номер двадцать пять по улице Куйбышева. Это был небольшой красивый двухэтажный домик на противоположной от дома Серёги стороне улицы. Неизвестно, что произошло, но, проходя мимо, маленький Серёга съёживался от страха, глядя на крайнее правое окно на втором этаже. Окно одновременно и притягивало, и пугало. На всякий случай, маленький Серёга никогда не проходил вдоль этого дома, только по противоположной стороне. И когда перестал быть маленьким, немного повзрослев и оказавшись в этих местах, не решался зайти в этот дом, хотя это окно притягивало взгляд, и очень хотелось зайти и посмотреть, что в этой комнате так пугало маленького Серёгу. Пыточная? Инквизиторская? Ответ оказался простым: детская поликлиника под номером девятнадцать, которая до сих пор украшает улицу Куйбышева. А загадочное окно – стоматологический кабинет. Что там делали с маленькими зубами слегка ещё соображающего Серёги, чтобы не просто бормашина внушала ужас, а окно в кабинет, где эта бормашина стоит! При этом, когда в двенадцатилетнем возрасте Серёгу повели в другой стоматологический кабинет, он не испугался, а просто упал в обморок, когда врач что-то стал творить с его зубами. Все подумали, что он упал в голодный обморок, а потому покормили сосисками и продолжили, но уже более осторожно, осматривать зубы, так, к счастью, и не выявив ничего, что требовало лечения. Немного отвлеклись, но зато поговорили о зубах, которых у Серёги было тридцать два до двадцати восьми лет. В двадцать восемь лет заболел зуб, но, памятуя дом номер двадцать пять на Куйбышева и обморок в двенадцать лет, Серёга не ходил в кабинет к стоматологу, будучи уверенным, что всё можно решить анальгином и темпалгином. Долго Серёга не чувствовал боли, пока зуб не стал рушиться окончательно. И когда стало совсем неприятно, Серёга пошёл к стоматологу, которая сказала ему, что никогда не видела таких хороших зубов и очень жаль ей вырывать один из них. Кстати, сделать это было сложно. Пришлось звать на помощь дедку, дедка – за бабушку... И вот – свершилось! У Серёги стал тридцать один зуб. Но это было позже.

А ещё совсем рядом была мечеть. Красивое, яркое, загадочное здание с синим куполом, который украшал то ли серп, то ли месяц. Удивляло Серёгу отсутствие окон, в которые можно было бы заглянуть, чтобы узнать, а что же там внутри. Было что-то типа окон, но все они были закрыты загадочными зеленоватыми витражами с круглыми непонятными рисунками. Не менее загадочными были и башни мечети. Кто-то из взрослых пошутил над Серёгой, сказав, что в этих башнях-минаретах мужья бьют неверных жён и потому оттуда иногда слышатся крики и стоны. Серёга с трепетом проходил мимо мечети, прислушивался, думал, как бы осторожно попасть внутрь. Но было страшно... Вход центральный был безумно красив, украшенный разноцветными плитками, панелями и камнями. Но у входа не было двери! Было что-то типа решётки, которая всегда была закрыта. Другого входа не было, или Серёга не мог его найти – не через забор же перелезть!

Что могло вырасти из маленького человека, который все дни в раннем детстве проводит в Музее революции, на революционном крейсере «Аврора» и в Петропавловской крепости, где в Трубецком бастионе сидели декабристы и революционеры?

Но, как говорится, что выросло, то выросло. А вырос, естественно, революционер. Эти качества характера и помогли ему, и портили жизнь. Не уверен, что Серёга был очень чув-

ствителен к пропаганде и подвержен её влиянию, но выступать самому в роли пропагандиста и агитатора ему нравилось с самого раннего детства.

Надо ещё учесть, что, как только Серёга появился на свет, на острове Куба уже семь месяцев как победила свобода. Радость от этого события сопровождала семь месяцев нахождения в «животном» (от слова «живот») плену у мамы. Наверное, поэтому, взрослея, насколько это возможно, Серёга убеждал себя в том, что родился на Кубе! Да, он просто родился в один год с кубинской революцией. Напомним, что первого января 1959 года повстанческие войска вошли в Сантьяго, что и считается на Кубе официальной датой победы революции. А мама Серёги была преподавательницей испанского языка в специализированной школе, где все переживали за судьбу Республики.

Революционные песни испанских и кубинских командос, которые вошли в Серёгу благодаря тусовкам молодых учительниц, проходивших, в том числе, и в маленькой комнатухе, где сначала Серёга жил в животе и позже, когда его перевезли в комнату в коммунальной квартире на улице Куйбышева, и только-только начинал осваивать мир.

«Cuba es mi amor!», «Venseremos!», «El pueblo unido!», «O! Mama chao!», etc – песни, которые Серёга и до сих пор помнит наизусть. Как это возможно, остаётся загадкой, а в то время Серёга был уверен, что все эти песни посвящены свободолюбивому кубинскому народу. Кубинцы представлялись ему неграми, негры ассоциировались у Серёги с рабами, а гнусными угнетателями рабов-негров, несомненно, были американцы. Такая была эпоха, такие были сказки, такие были книги, таким было окружение, что с самого рождения Серёга жалел негров, а не угнетателей и готов был драться за чем-то за их права. Мыслей «вернуться» на Кубу у него не было по причине того, что он не очень понимал, где она находится, и он обсуждал со старшим братом Андрюхой иные варианты проявления гражданской активности.

Именно в центре Ленинграда Серёга пошёл в первый класс. Школа, которая находилась рядом, была специализированной, с углубленным изучением немецкого языка, который преподавали со второго класса. Не сложно догадаться, что Серёга свою первую учительницу не помнит. Но помнит, что какое-то время его первой учительницей была бабушка Маша. Она была учителем начальных классов, и было ей всего шестьдесят шесть лет, а потому прекрасно подрабатывала в школе, находившейся поблизости. Видеть бабушку в качестве своей первой учительницы Серёге было приятно.

Но во втором классе Серёга пробыл недолго и не успел выучить основные немецкие слова. Дело в том, что в семье появился ещё один человек, который приходился Серёге и Андрюхе братом. Правда, был он совсем маленьким, лежал запелёнутый, ничего не понимал, не разговаривал, только плакал и слышать ничего не хотел. И папа у брата Коли был другой. Но он частенько проживал вместе со всеми. Квартира в этом прекрасном доме в центре города была коммунальная, то есть жило в ней несколько семей. Комната, в которой оказалось пять человек, включая запелёнутого братика, была всего восемнадцать или двадцать квадратных метров. Соответственно, жить стало тесновато. Именно поэтому братьев старались выгнать на улицу, чтобы не мешали в тесной комнате воспитывать маленького братика.

Бабушка, которая была пенсионером республиканского значения, орденосцем самых почётных орденов, включая самый главный орден – орден Ленина, написала письмо генеральному секретарю ЦК КПСС (это был самый главный человек в СССР), в котором известила его о невозможности жизни пятерых человек в двадцатиметровой комнате. Генеральный секретарь ЦК КПСС Леонид Ильич Брежнев откликнулся через полгода, прислав Марии Фёдоровне ордер на трёхкомнатную квартиру на окраине Ленинграда. Семья переехала, но Серёга всегда оставался верен центру Ленинграда и постоянно возвращался на берега Невы, в центр, где прошло его детство.

Серёга всегда считал, что ленинградец – это некий особый, данный от рождения статус. Он верил в это. Верил в то, что все, кто родился в Ленинграде, должны быть людьми культур-

ными, вежливыми, влюблёнными в свой родной город. Не исключено, что он стал ленинградским «шовинистом». Ужас! Но данность.

Жизнь на окраине

Хрущёвки – главное домостроительное достижение конца 1950-х годов. Пятиэтажные однотипные панельные дома, по четыре небольших квартиры на этаже, с обязательным балконом, начиная со второго этажа. Их строили массово вплоть до 1980-х годов. Своё название эти дома получили не от названия майского жука (хрущ), а от фамилии инициатора их массового строительства Никиты Хрущёва, который командовал Советским Союзом одиннадцать лет, с середины 1950-х до середины 1960-х годов.

Место, куда переехала семья Серёги из центра Ленинграда, всё состояло и хрущёвок. Куда ни глянь – однотипные пятиэтажные дома. Вся эта «красота» находилась в конце проспекта, носившего гордое и красивое название – Науки. Проспект упирался в улицу с не менее красивым названием – Шота Руставели. Именно эта улица и значилась как адрес места жительства. До проспекта Науки было так же далеко, как казалось маленькому Серёге, как и до улицы Руставели. Квартал пятиэтажек отделял от «магистралей» полукилометровый пустырь, больше похожий на болото с небольшими невнятными кустиками, высокой травой и серой некрасивой постоянно влажной почвой. Все дети верили, что это – болото, и очень его боялись, распространяя между собой слухи, что кто-то там недавно утонул. И, если проспект Науки с кварталом пятиэтажек связывала давно протоптанная, относительно широкая дорога, по которой при желании могли проехать и автомобили, то с улицей Руставели связывали различные тропинки сквозь кусты. Кстати, среди этих кустиков цвела верба – разновидность ивы – с тонкими веточками, усыпанными пушистыми шариками, похожими на почки. Они были очень красивыми, и детишки, начиная с конца марта, бегали, ломали её и вточки приносили домой ещё не распустившуюся, наблюдая, как почки постепенно увеличиваются и превращаются в эти самые красивые пушистые шарики. А ещё кругом были дикорастущие деревья, больше похожие на кустарник, с очень чёрными ягодами, которые назывались черноплодной рябиной. Этого добра хватало на всех, и в начале осени и дети, и взрослые ходили, чтобы собрать этих ягод как можно больше. Бабушка очень радовалась этим ягодам, потому как делала из них напиток, который детям пить не давали, что было обидно. Они могли только созерцать, как этот напиток из принесённых ими ягод пили взрослые по праздникам.

Что такое улица Руставели, Серёга узнал. Оказалось, что Шота Руставели – грузинский поэт. Тому, что он живёт на улице, названной в честь поэта, Серёга (он же тоже считал себя поэтом) радовался больше, чем жить на улице, названной в честь одного из городов СССР, как думал Серёга, Куйбышева.

Сразу за улицей Руставели проходила железная дорога из Ленинграда в направлении Карелии. А за железной дорогой не было Ленинграда. Там была Ленинградская область. И сейчас за дорогой находится Ленинградская область.

Конечная станция всех трамваев и троллейбусов у границы города и области называлась «Ручьи». И железнодорожная станция рядышком тоже называлась Ручьи. А всё потому, что за железной дорогой находился совхоз «Ручьи». Что и в чью честь было названо, никто не разберёт, а всё потому, что просто там текло много ручьёв и всё называлось в их честь.

О том, что рядом находится совхоз, жители городских хрущёвок узнавали по запаху, как правило, весной и летом. Всё-таки в совхозе разводили свиней и коров, и запах от продуктов их жизнедеятельности был неотъемлемой частью сельскохозяйственного предприятия и, соответственно, частью жизни всех, кто жил рядом.

В семь лет Серёга не очень воспринял разницу между центром Ленинграда и жизнью рядом с деревней. Выбора у него не было. Конечно, он часто переживал, что рядом не было тюрьмы Трубецкого бастиона, крейсера «Аврора», кучи танков и пушек Музея артиллерии, мечети и, конечно, Музея революции, куда можно было ходить хоть каждый день.

Чтобы добраться до своих любимых мест в центре Ленинграда, надо было сесть на трамвай под номером девять и медленно двигаться в сторону площади Калинина, а затем по улице Комсомола, мимо знаменитой тюрьмы «Кресты», до Финляндского вокзала, и именно там находилась самая ближайшая станция метро. Трястись приходилось около часа. Станцию метро с красивым названием «Академическая», до которой можно было добраться пешком, была построена, когда Серёге было уже шестнадцать лет.

Можно было добраться и на электричке от станции Ручьи и обойтись без дороги мимо «Крестов». И всего две остановки: Пискарёвка, Кушелевка и всё – двадцать минут езды вместо часа на трамвае! Потому и расписание электричек всегда находилось под рукой.

Двор, зажатый между пятиэтажками, в первые месяцы переселения был сплошной стройкой. Напротив дома достраивался детский сад, а чуть далее строилась школа. Пока строилась новая школа, Серёга должен был учиться в школе, которая находилась далеко от дома. Приходилось переходить через проспект Науки и углубляться в чужой двор, который выходил на улицу с необыкновенно красивым названием: Верности.

Эту вторую школу Серёга тоже помнит смутно, как и первую, с углубленным изучением немецкого языка, в центре города, как смутно помнит и всех своих первых учительниц, ведь их не должно быть много.

И только потом, когда почти закончилась так называемая начальная школа, где и должны были быть первые учительницы, современная школа прямо во дворе, в шаговой доступности, впустила первых учеников. Когда школа открылась, Серёге было десять лет.

Меньше ешь и меньше пей...

Магазинов, как и школы, поблизости тоже не было. Единственный продовольственный магазин находился почти в километре от Серёгина дома, на улице Карпинского, которая, как узнал Серёга, была названа в память о русском геологе А. П. Карпинском. Но кушать что-то надо было. Конечно, мама после работы иногда заходила в магазины рядом с работой, но везти тяжёлые сумки на общественном транспорте, чтобы обеспечить едой семью из пяти человек, было проблематично. На трёхлетнего младшего братца Колю тоже не было никакой надежды. Бабушка в свои семьдесят лет ходила в магазин, но носить тяжёлые сумки не могла, предпочитала брать с собой для этой миссии Серёгу или Андрюху. И всё же основная тяжесть в прямом смысле выпадала на десятилетнего Серёгу и его старшего брата.

Единственное, что облегчало участь братьев, это то, что покупать в магазинах было особо нечего. Да и денег на покупки больших не было. Но с другой стороны, приходилось таскать из магазина килограммами самое тяжёлое, то, что всегда можно было купить: полугнилую картошку, сахар, макаронные изделия, хлеб, молоко в принесённый с собой бидон по три литра, сметану в собственную банку, муку, измеряемую в килограммах, и другие необходимые продукты. Единственное, что никогда не требовалось покупать, – конфеты. Их всегда дома было в избытке. После первого сентября и восьмого марта самые разноцветные коробки с шоколадными конфетами складывались в маминой комнате на шкафу и лежали там годами. Ели, как правило, только гости.

Как только Серёга научился писать, а, главное, излагать свои мысли на бумаге, под воздействием своей революционной сущности, основанной на любви к кубинскому народу, и активной окружающей пропаганды он выдал произведение, которое долго никому не показывал по причине неуверенности в себе. Но, перечитывая его, думал, что поэт он хороший:

*Папа – негр,
Мама – негр.
Папа умер.
И остался я один с моею мамой.
Моя мама не роптала,
Хоть и мало получала,
Прокормить она могла
Только одного меня,
А сама?
И однажды моя мама заболела...
Вот так дело!
А отдать ее в больницу здесь нельзя.
Говорит тогда мне мама:
– Я вчера тебе сказала,
Как тебе здесь надо жить:
Меньше есть
И меньше пить,
Меньше с белым говорить.
Не бастуй и не играй,
По проспектам не гуляй!*

Это произведение не пропало в многообразии всех глупостей, которые Серёга писал в младенческом возрасте, а достойно переходило из года в год, ведь реально не судьба негров послужила посылком для написания этих виршей. А что тогда?

А всё дело в одной фразе: «меньше есть и меньше пить» – которая много лет являлась главным жизненным девизом Серёги, ввиду большого количества братьев и отсутствия того, кто мог бы всё это прокормить.

Шесть лет Серёга с Андрюхой не имели конкурентов, и бабушкиной пенсии республиканского значения, а также зарплаты (бабушка продолжала работать учителем начальных классов), а также зарплаты мамы и, наверное, алиментов отца хватало для того, чтобы более-менее обеспечивать существование двух мальчиков. В шестидесятые годы не было проблем с недостатком продовольствия, Серёга даже помнит чёрную икру, которую братьям скармливали. Но затем мама ещё раз вышла замуж и родила единоутробного брата, которого звали Николай. Он носил другую фамилию и другое отчество, но всё внимание теперь уделялось ему. С отцом Николая мама тоже рассталась и получала только алименты.

Наступило время, когда из семьи исчезли работоспособные мужчины-отцы, но прибавились неработающие дети. Правильнее сказать, сложилась ситуация полной невозможности реализации любых излишних потребностей, к которым, в том числе, относились еда, питьё и одежда.

Однажды за завтраком или ужином бабушка, обращаясь к внукам, произнесла фразу, мгновенно ставшую классической: «Колбаса покупается не для того, чтобы её есть...» Эта фраза подчёркивала необходимость экономить на еде, а про экономию на Серёгиной одежде можно и не говорить. Было очевидно, что Серёга с самого детства должен донашивать за старшим братом всю одежду, кроме носков и трусов, стоимость которых не составляла большой статьи расходов в семейном бюджете, так как носить их можно было по несколько лет (хотелось добавить: не снимая... но это было бы жестоко). От участия в распределении бюджета Серёга был отстранён. Точнее, не был подключён, а потому не знал, куда расходуются алименты (и были ли они?) и даже его собственные заработки, которые он имел, когда ему исполнилось двенадцать лет. Но... про первые заработки расскажу чуть позже.

Поэтому я понимаю, почему Серёга плохо помнит своё детство. Ни поесть, ни попить, ни приодеться – откуда тут память возьмётся? С раннего возраста Серёгу, как и его старшего брата, посылали либо в магазин за хлебом, либо за молоком к цистерне. Чёрный хлеб, как правило, доставлялся домой без корок, которые съедались по дороге из магазина. Молоко по дороге никто не пил, да и не выливалось оно, но рассеянный и мечтательный Серёга мог споткнуться, поскользнуться, и тогда бидон опрокидывался... в этот момент у него в голове проплывала вся его короткая жизнь подростка. Ощущение безысходности от случайно пролитого на улице бидона молока и вины перед семьёй за потерянные копейки были для него смертельны. Но дома относились с пониманием к Серёгиной задумчивости, никогда не били и даже не ругали, потому что бабушка его очень любила. Но страх перед нечаянно пролитым молоком остался.

И в данный момент необходимо немного поразмышлять. Положительно ли сказалась на Серёге жизнь в страхе пролить молоко, потерять копейку или порвать единственные штаны или отрицательно? С одной стороны, ценит каждую копейку и рубль бережёт, еду никогда не выкидывает, а с другой – периодически жмотится тогда, когда надо быть щедрым, и проявляет удивительную расточительность, где следовало бы и экономить. С одной стороны, может выжить в любых критических условиях, ест, что дают, а с другой – совершенно не умеет пользоваться благами цивилизации и недооценивает роль обеспеченности в жизни каждого человека.

Я поэт, зовусь Серёга...

То, что каждый второй в младенчестве сочиняет стихи, – истина, проверенная временем. Не был исключением и Серёга, то есть он и был этим каждым вторым.

Как и все нормальные советские дети он был воспитан на произведениях Корнея Чуковского, Самуила Маршака, Агнии Барто, а ещё очень любил слушать радиопрограмму, где два Александра: Лившиц и Левенбук – весело, задорно и очень смешно читали произведения не очень известных Серёге поэтов: Даниила Хармса, Юлиана Тувима, Бориса Заходера... Передача эта называлась «Радионяня» – великая детская передача, каких больше в истории не было, просуществовавшая около тридцати лет. Многие из звучавших в «Радионяне» номеров, стихов Серёга помнит до сих пор, и, конечно, она оказала на него огромное влияние, хотя и казались несколько необычными, а может, и смешными фамилии Хармс, Тувим, Заходер, Левенбук... Найти стихи трёх поэтов в домашней библиотеке он не смог. А Лившица с Левенбуком иногда показывали по телевизору – это был известный эстрадный дуэт.

Серёга, находясь под воздействием «Радионяни», мечтал сделать свою радиопередачу, но... в доме не было никакого магнитофона, ни катушечного, ни кассетного, и ему приходилось выдумывать сценарии, в лучшем случае проигрывать их на младшем, ничего не понимающем братике Коле и хранить всё в своей детской голове. Только в Москве у дедушки Васи он мог захватить в пользование небольшой кассетный магнитофон с микрофоном и тренироваться, записывая, стирая и снова записывая свои «радиопрограммы» на кассеты, любезно предоставляемые дедушкой Васей, чтобы затем прослушивать эти записи на кассетах при каждом удобном случае, если под руку попадался кассетный магнитофон. Дедушке Васе нравилось то, что вытворял Серёга. А как может дедушке не нравиться то, что вытворяет десятилетний внучок?

И конечно, никуда не деться от влияния на Серёгу одного из великих детских писателей – Сергея Михалкова. Все его знали, все читали его басни, все смотрели мультфильмы по его стихам, а в театрах смотрели спектакли по его пьесам. Но Серёга читал другую книгу Сергея Михалкова, которая называлась «О самом себе». Это простая и незамысловатая автобиография поэта. Начиналась она так: *«Многие взрослые в детстве рисовали, писали стихи, играли в школьном театральном кружке, но ни художниками, ни поэтами, ни артистами впоследствии не стали. Автор этих строк мог стать геологом или освоить какую-нибудь профессию, однако стал писателем».*

Серёге показалось это вступление очень обнадеживающим. Рисовать он не умел совсем, стишками баловался, и на школьных концертах его просили выступать... А следовательно, шанс не стать геологом у него оставался. Из этой же книги Серёга узнал, что Сергею Михалкову неоднократно отказывали в разных издательствах в публикации его стихотворений и первое стихотворение было опубликовано, когда Михалкову было пятнадцать лет. «Время есть», – думал одиннадцатилетний мальчик.

И вдруг повезло! Один из его одноклассников, живущий в соседней парадной, имел дома пианино и, что самое главное, умел на нём играть. Правильнее сказать, умел из пианино пальцами звуки извлекать, стуча по клавишам, в основном, несколькими аккордами, но этого было достаточно, чтобы сочинять песни. А как сочинять песни без поэта-песенника? Тут-то Серёга и пригодился. Он подкладывал под то, что сосед называл музыкой, то, что он называл стихами, и получалась вполне себе «приличная» дворовая песня. Потом дружно исполняли её дуэтом, естественно, в отсутствие родителей. Никогда бы не посмел я эти стишочки цитировать, но вдруг мне показалось, что сегодня на эстраде и не такое можно услышать, а потому рискнул:

Ты поверь мне – я тоскую / от твоей любви ко мне. / Только я люблю другую, / а она не верит мне. // Ведь она другого любит, / тот другой уже женат. / Так влюблённых жизнь погубит, / быть влюблённым – это АД!

Следует открыто заявить об отсутствии у Серёги на первых этапах школьной жизни каких-либо претензий на внимание со стороны представительниц противоположного пола; данный текст был, скорее всего, навеян некими фантазиями его приятелей, рядом сцен из советских мелодрам, дворовыми песнями и некоторыми произведениями советской эстрады.

Выдавливаться из себя какие-то стихи у Серёги надобности не было. Записывал, что в голову приходит. Когда с Серёгой случилось то, что должно было случиться с мальчиком в тринадцать лет, и он пытался влюбиться в девочку (благо не в школе, а в студии Ленинградского телевидения), он начал строчить любовную поэзию, посвящённую своей избраннице:

Меняет маски словно в театре, / то тот бандит, / то тот наглец, / то умный он, / а то глупец. / А также чувствам изменяет: / то равнодушием убивает, / то вдруг заигрывать начнёт, / затем презрением убьёт.

За это произведение его и побили поклонники девочки в её присутствии. Но любовные творения были исключением. Самое первое стихотворение было посвящено бабушке, написал он и про маму, что-то у него получилось про Пискарёвское кладбище, про игру «Зарница», про утро, про февраль, про индейцев из племени сиу, про войну, про Новый год... Было и откровенное подражание Владимиру Высоцкому... Но всегда давало о себе знать революционное прошлое района, где он вырос, и радость от кубинской революции.

Про защиту негров уже говорилось, но жалел Серёга не только негров. В далеком 1973 году, когда в Чили произошёл военный переворот, убили Сальвадора Альенде и страну захватила хунта Пиночета, из мальчишечьей души Серёги сначала вырвалась песня:

Дело было в Чили, / у Пиночета на квартире. / Как-то у него на жопе / вскочил огромный очень чирый. / Только это не беда, / позови врачей сюда.

Далее в песне пелось о том, как стали звать врачей, а врачи все оказались расстреляны.

Но этого оказалось мало, давление единственного телевизионного канала, обсуждение этой темы мамиными испаноговорящими учителями было настолько могучим, жалость к простым жителям далёкой латиноамериканской страны настолько велика, что душа Серёги не только рвалась бежать защищать чилийский народ, но и исторгла новый, но уже без бранных слов, стих:

*Нет, не забыть нам никогда —
У Ла Монеда собралась пехота.
Над Чили только что взошедшая звезда
Была расстреляна из пулемёта.*

*Штыками пригвождённая к земле
Лежит в осколках равенства и братства
Свобода, что в кровавом сентябре
Была растоптана приверженцами рабства.*

*Но верим мы: не будет никогда
Дня траура чилийского народа.
И над Сантьяго заблестит звезда,
Неугасимая в любое время года!*

Со своим старшим братом Андрюхой Серёга осваивал и большие литературные формы. Они соревновались, кто придумывает лучшие сказки или рассказы, называя их повестями. Соответственно, они издавали различного рода журналы, разрезая ученическую тетрадь надвое, в которых и публиковали свои «произведения». Один из журналов назывался «Бабушкины сказки». В нём рассказывалось о рождении нового Гоба. Не трудно догадаться, что Гоб – это Бог наоборот. Серёга и Андрюха были атеистами, жили в коммунистической стране и читали только «Забавную библию» Лео Таксиля, которой, видимо, и подражали.

В книге «О самом себе» Сергея Михалкова приводился ответ маленькому поэту Михалкову из издательства, куда он послал своё стихотворение. Он звучал так: *«Больше читайте и продолжайте писать»*.

Почему-то Серёга подумал, что это и к нему относится. Благо книг дома было достаточно, самых разных. Первым делом Серёга изучал огромные и очень тяжёлые три тома под названием «Энциклопедия». Там было обо всём понемножку. Энциклопедия была издана в 1952 году, а потому во втором томе на букву «С» на несколько страниц была размещена биография Иосифа Сталина с огромным его портретом. О Сталине в приличном обществе и в школе было принято молчать, и в разглядывании его портрета и изучении биографии «великого вождя великого народа» Серёга ощущал себя каким-то подпольщиком. Впрочем, портреты Сталина вместе с биографией были и в «Политехнической энциклопедии», и в толстом «Философском словаре», не было разве что в «Словаре иностранных слов», который тоже очень интересовал Серёгу.

Когда Серёга был маленьким, он считал себя очень взрослым и, дабы самому себе подтвердить это, выбирал самые толстые книги самых иностранных авторов и насиловал себя, стремясь их прочитать до конца. Иногда устраивал перерывы, читая сказки, в основном, скандинавские, потому что они были страшными, что было видно и по картинкам, потому как книги были хорошо иллюстрированы. Таким образом он отдыхал от мучительного чтения толстых книг авторов с нерусскими фамилиями.

Самой толстой оказалась книга «Семья Тибо» Роже Мартена дю Гара. Она была очень толстой, шрифт был мелкий, и всё равно остаётся загадкой, как в одной книге могли уместиться все три тома? Впрочем, Серёга осилил страниц пятьдесят и, оправдывая тяжесть чтения мелким шрифтом, перешёл на Арчибальда Кронина и его «Замок Броуди». И её он зачем-то дочитал до конца. Вопрос: а зачем он это делал? Почему не читал нормальных советских авторов или русских классиков? Ответ может удивить современных детей. Он думал, что именно в этих книгах описываются подробности обстоятельств, при которых берутся дети. То есть, говоря простым языком, хотел эротики. Наверное. Поэзия, которую читал Серёга, не очень детально раскрывала эти подробности.

Так или иначе, подражая всему прочитанному, Серёга старался писать свои толстые романы, но все они оказались либо сожжёнными, как «Три отца», либо недописанными.

Серёга в четырнадцать лет послал несколько своих творений в газету «Смена» и через несколько дней получил очень хороший ответ, суть которого была похожа на ответ Сергею Михалкову, кроме одного. Отсутствовала фраза: «...продолжайте писать». Но с другой стороны, не было фразы «перестаньте писать». Всё равно Серёга закомплексовал, но записывать свои мысли в рифме и в прозе продолжал. Просто никому больше этого не показывал.

Школьные годы... чудесные?

Как известно, школ у Серёги было три. Школа, в которой Серёга учился до последнего, то есть до десятого класса, располагалась во дворе. Перешёл он в эту школу в десять лет, быстро закончил начальную школу, так и не поняв, кто у него первая учительница, и на следующий год снова пришёл в школу уже взрослым пятиклассником. В связи с этим одноклассники его и одноклассницы тоже уже были взрослыми мальчиками и девочками. Они были все какие-то большие. А всё потому, что Серёга в классе был самый маленький... Точнее, почти самый маленький. Был ещё меньше его – Женька. Женька жил в соседней квартире, а потому Серёга знал, что Женька с детского сада вместе с папой занимался тяжёлой атлетикой и, видимо, штанга постоянно приземляла его. А у Серёги папы (как мы помним) не было, и он физически не мог обладать ни силой, как у Женьки, ни определённым весом, так как вес его составлял тридцать килограмм.

Бедному, в прямом смысле слова, маленькому и щупленькому, в какой-то степени недоразвитому подростку завоевать авторитет среди зрелых одноклассников непросто, даже несмотря на некоторые черты революционного характера. Но было бы лукавством заявлять, что Серёга в классе был изначально изгоем, да и затем в процессе обучения не ощущал особого к себе презрения, хотя и не без эксцессов школьная жизнь протекала.

Во-первых, всё-таки старший брат Серёги учился на класс старше в этой же школе. А он не был маленьким и щупленьким, неплохо учился и имел друзей-одноклассников разных размеров.

Во-вторых, Серёга не был тем, кого называют «ботаник», то есть учеником, который зубрит без отдыха уроки, а потому с испорченным зрением, то есть в больших очках, сидит на первой парте, всё время поднимает руку в желании заработать очередную пятёрку. Серёга же учился плохо, но красиво. Он не очень любил предметы, где надо было учить правила, формулы, цифры. Ему нравились предметы, где можно было импровизировать, покрасоваться, стоя у школьной доски.

В-третьих, о девочках-одноклассницах он думал в такой глубине своей души, что и сам не догадывался, что такие мысли у него есть. Он реально отдавал себе отчёт, что низкорослому, не уверенному в себе школьнику тяжело общаться с высокой симпатичной девочкой, а все девочки были выше. А потому никаких конфликтов в стиле *cherchez la femme* (ищите женщину) в школе не предвиделось.

В-четвёртых, что скрывать, были у Серёги друзья в классе, кроме соседа Женьки-штангиста. С одним из них, как мы помним, он даже песни сочинял.

Учителя относились к Серёге снисходительно. Они знали, что Серёга – сын их коллеги-учительницы, и что бабушка у него учительница, и что отца нет, и что в семье ещё двое, один из которых учится классом старше. Учителя понимали, что родителей в школу вызывать бесполезно, а потому приходилось договариваться непосредственно с Серёгой. Впрочем, особых хлопот Серёга не доставлял. Учителя понимали, что прививать ему любовь к формулам и сложным арифметическим и геометрическим действиям – занятие неблагодарное, и наслаждались Серёгиной любовью к литературе и умением красиво выступать у доски даже без знания предмета.

Преподаватель химии Тамара Трофимовна Дьячук, она же большой общественный деятель, ценила в Серёге не столько его тягу к химии, которая напрочь отсутствовала, сколько его умение громко по памяти декламировать стихи разных поэтов. Даже учительница литературы так не ценила. Именно это умение она использовала, когда возила Серёгу в разные места, где в сводном концерте он исполнял, как правило, один номер: «Время! Начинаю про Ленина рассказ!». Делал это Серёга с большим удовольствием, и очень душевно выходили из него

строки Владимира Маяковского. С не меньшим удовольствием эти стихи слушал преподаватель начальной военной подготовки, капитан Флоринский Игорь, который был знаменит на всю школу тем, что знал наизусть содержание всех томов полного собрания сочинений Владимира Ленина, что было практически невозможно, учитывая количество всего, написанного Ильичом. Правда, и проверить это было сложно. Но те, кто проверял память Флоринского с трудами Ленина в руках, подтверждали эту феноменальность.

Удивительно, но с учителями истории и литературы Серёге не везло, как и с преподавателем немецкого языка. Они преподавали эти предметы без вдохновения, без энтузиазма, по бумажкам, проявляя несоответствующую этим дисциплинам занудность. Но какой был учитель физики! Он пришёл неожиданно, когда физика уже не была любимым предметом Серёги, – молодой, энергичный, с хорошим чувством юмора или просто весёлый. Даже Серёга стал относиться к физике с большей симпатией, от которой и до любви было недалеко. И какой был проницательный этот Олег Остроушко (так звали учителя физики)! Он смог предвидеть или угадать ВУЗ, в который в результате Серёга и поступил.

ИЗ ВЕЧНОГО

Взрослея, мы понимаем, что, если кого-то и вспоминать с благодарностью, то не следует забывать наших учителей, даже если бы и не любили школу по разным причинам. Так и Серёга только спустя сорок лет, реализуя социальный проект, посвящённый учителям, под названием «Вспоминаем с благодарностью!», в рамках которого знаменитые петербуржцы вспоминали своих учителей, вдруг понял, что и он может вспомнить с благодарностью:

*...учителя химии Дьячук Т. Т. за то, что научила любить литературу,
...учителя физики Остроушко О. за то, что не заставлял любить физику,
...военрука школы Флоринского И. за то, что хотел научить читать... Ленина.*

И список этот можно было бы продолжать, ведь, действительно, роль учителей в жизни человека не ограничивается преподаванием их предметов в школе.

Братик Коля и воспитатель-аниматор Серёга

Конечно, новая трёхкомнатная квартира была просторнее, чем двадцатиметровая комната в коммуналке. Но не очень удобная. Дело в планировке, которая называлась «распашонка». После маленькой прихожей, в которой с трудом помещалась вешалка, ты попадал сразу либо в смежный с ванной туалет, дверь в который была сразу справа от входа, либо на тесную кухню, либо в комнату, которая называлась большой (или гостиной). В гостиной стояло два дивана, которые вечером превращались в кровати, сервант, телевизор и раскладной стол для праздников. А из гостиной справа был вход в комнату мамы, половину которой занимала большая двуспальная кровать, а также располагался книжный шкаф и трюмо (три зеркала и маленький столик с шкафчиками), которое правильнее называть «туалетный столик» или «трельяж». А слева располагался вход в комнату бабушки, у которой кровать была небольшой, а потому в комнате могла поместиться и кроватка младшего братика Коли. Несложно догадаться, что Серёга и Андрюха ночевали в гостиной, для чего на ночь раскладывались два дивана – у каждого свой. Чёрно-белый телевизор в квартире был один, стоял он в большой комнате, а потому все по вечерам его смотрели, сидя на диванах, на которых вроде бы должны уже спать братья. Потому время отхода ко сну у братьев во многом зависело от окончания последней вечерней программы по одному из трёх телевизионных каналов.

Была ещё и кладовка – метр на метр. Она была по дороге в комнату бабушки. Там Серёга в инициативном порядке придумал себе кабинет, то есть устроил стол и поставил табуретку, кое-как сделал полки, на которые поставил книги, а на самый верх запищал коробки с разным хламом. Как только у Серёги лет в двенадцать появилась печатная машинка «Континенталь», он стал запирается в этой кладовке и в страшной духоте печатал, пока не начинал задыхаться.

Детей Серёга любил с детства до старости. Играть и баловать. Относился к детям, и своим, и чужим, нежно и трепетно. Большинство детей отвечали взаимностью. А началось всё с мальчика Коли, который, как мы помним, появился в семье, когда та жила ещё в центре города. Серёга с Андрюхой решали, какое у Коли будет отчество: Андреевич или Сергеевич. Повзрослев, брат Коля отчество не изменил, а вот фамилию в четырнадцать лет сменил на Серёгину. Это он так сказал, что на Серёгину, а не на Андрюхину, объяснив свой поступок благодарностью за своё детство. Оказывается, Серёга опекал братика Колю, преследуя и корыстную цель. А как иначе? Со старшим братом Андрюхой особо не забалуешь, и так всё время находился в негласном соревновании, правда без зависти и корысти, а с младшим братиком Колей можно было проявить все свои воспитательные способности. Братик Коля был на шесть лет младше Серёги.

Действительно, как уже отмечалось, у Серёги с Андрюхой интересы были разные: старший увлекался химией, математикой, немецким языком, фотографией, а Серёга так – поболтать, поиграть, повыступать, себя показать. Потому с младшим братиком найти общий язык было значительно проще.

Как вспоминает брат Коля, Серёга ставил кукольные домашние спектакли, придумывал разные представления с оловянными солдатиками и развлекал Колю этой продукцией, когда тот болел. Пьесы, сценарии фильмов и сериалов, скорее всего, тоже писал Серёга. Один из сериалов назывался «Красная дорога». Скорее всего, это был некий микс между фильмом «Красная палатка» и дорогой в Изумрудный город. Более того, как вспоминает братик Коля, Серёга руководил домашней художественной самодеятельностью, естественно, отдавая себе приоритеты, но и заставляя братьев читать родителям и гостям стихи. Было всё это приурочено к праздникам, а праздников в советское время было немало.

Серёгу постоянно оставляли наедине с братом Колькой. Вот тогда и наступал настоящий репетиционный день. Что за номера готовили братья: стихи, песни, танцы... ни Серёга, ни выросший Николай вряд ли вспомнят.

Развлекаться с младшим братиком было непросто – тесновато было. Когда брат Колька был совсем маленьким и десятилетнего Серёгу оставили с ним одного дома, тот, видимо, желая, чтобы Серёга никуда не уходил, ударил его маленьким топориком по голове. Серёга очень обрадовался, что для удара брат Колька выбрал обух в виде молоточка, а не остриё, и, несмотря на огромную шишку на голове, продолжал играть с маленьким братцем. В этот раз Серёгу в больницу не увезли. Шишка на голове быстро прошла. Серёга вообще никогда не болел и ничего у него не болело, наверное, от страха перед домом номер двадцать пять по улице Куйбышева. Иногда возникало желание отдохнуть от постоянного хождения в школу и заняться самообразованием, для чего на телевидении был специальный учебный канал, на котором некоторые преподаватели были интереснее школьных. Потому, чтобы отдохнуть от школы, приходилось себя накручивать в прямом смысле – то есть искусственно поднимать температуру на градуснике и притворяться плохо себя чувствующим, используя свои актёрские таланты. Первый раз увезли его в больницу попозже, когда в четырнадцать лет он сидел за столом и попивал горячий чай и вдруг, потянувшись за чем-то сладким, вылил на себя кипяток. При этом несложно догадаться, на какое место... В больнице, которая ранее носила очень знаковое имя «В память жертв революции», а в нынешнее время – Мариинская, мест не было, и юношу Серёгу положили в коридоре. В этом коридоре лежали только мужские «жертвы революции», но сестрички, естественно, были женщинами, и подросток Серёга несколько стеснялся того внимания, с которым они оказывали лечебное содействие непосредственной жертве кипятка... Брат Колька в результате всех занятий с Серёгой некоторое время проявлял творческую активность и даже реализовал Серёгину мечту – научиться играть на гитаре. Более того, даже был одним из создателей и участником группы музыкантов-единомышленников.

В то время Серёга ещё не осознавал, что его настоящее призвание – быть детским воспитателем или, в крайнем случае, аниматором, хотя в то время никто и слова такого не знал.

А может, всё-таки пионер-революционер?

Если я спрошу читателей, а хотел ли Серёга стать пионером, меня засмеют. А кем ещё хотел быть мальчик, выросший в музее Революции? Конечно! Как родился, так и мечтал. Мечтал, когда посещал крейсер «Аврора», мечтал, когда сидел в камере Трубецкого бастиона. Мечтал, стоя на Марсовом поле на могиле Коте Мгеброве-Чекана, где было высечено: 1913—1922, юного артиста, трагически погибшего в восемь лет и ставшего героем революции и прообразом главного героя в фильме «Был настоящим трубачом». Этот фильм произвёл даже на подростка Серёгу глубокое впечатление (фильм вышел на экраны в 1974 году).

Мечта сбылась, когда Серёге исполнилось десять лет – его приняли в пионеры. Само торжественное мероприятие по завязыванию красного галстука из скромного ситца проходило на Пискаревском кладбище, которое, как мы помним, находилось напротив дома Серёги. Безусловно, что и, как многие другие дети того времени, Серёга до сих пор помнит, что говорил тогда на одном из самых святых для него мест:

«Я, вступая в ряды Всесоюзной пионерской организации имени Владимира Ильича Ленина, перед лицом своих товарищей торжественно обещаю: горячо любить свою Родину, жить, учиться и бороться, как завещал великий Ленин, как учит Коммунистическая партия, всегда выполнять законы пионеров Советского Союза».

Серёга пытался честно проявлять максимальную активность и использовать пионерскую организацию на полную, как и положено пионеру: участвовал в военно-спортивных играх «Зарница» и даже получал грамоты по разным поводам, в том числе и как редактор «Боевого листка». Это была первая оценка его журналистского труда. Но свою первую награду – грамоту – Серёга получил раньше «За активное участие в проведении пионерских линеек и сборов», когда учился в седьмом классе и, видимо, за актёрскую работу, то есть чтение стихов Маяковского. Летом, в свободное от Киева время, Серёгу отправляли с глаз долой в пионерский лагерь под Зеленогорском, название которого он помнит до сих пор – «Ракета». С пионерским лагерем связана не столько активная общественная деятельность, сколько первые танцы... вечер... темнота... музыка... костёр... девочки... никакой романтики.

Как пристроить свои таланты?

То, что у него были таланты, Серёга не сомневался, они периодически из него выползали (лучше этого не описывать, потому как, может, это и не таланты были). Так же думал и его брат Андрияха. Уверен, что все читатели догадались, что Серёге в обычной, не экстремальной, жизни было скучно. С самого раннего возраста. Дома – тесно, на улице – неинтересно, хотелось чем-то заняться и занять своё время с пользой. Более того, он чувствовал, что реализацией своего внутреннего потенциала может возместить своё (как ему казалось) уродство и недоразвитость. Слишком душно было в школе, да и надоело предпоследним стоять в ряду одноклассников на уроке физкультуры, когда всех по ранжиру строили в одних трусах... Домашней, школьной и уличной самодеятельности очевидно не хватало.

В этот ответственный момент, как только позволено было выезжать одному (или с братом) дальше дворовой территории, решил Серёга свои неочевидные таланты куда-то пристроить и воспользоваться своими привилегиями как пионера. Поехал Серёга вместе со своим старшим братом не в какой-нибудь районный Дом культуры, а сразу в городской, самый главный Дворец пионеров имени А. Жданова.

Красивое, такое большое и светлое здание на углу Невского проспекта и реки Фонтанки, которое ещё называли Аничковым дворцом. Было Серёге лет десять-одиннадцать, но ездить на трамвае один уже умел, а тем более вдвоём со старшим братом, так что проблем в семье по поводу длительного отсутствия не возникало. А может, его отсутствия никто и не замечал? В то время детям можно было без страха ходить не только по дворам и улицам, но и одним, без сопровождения взрослых, совершать длительные поездки на разных видах общественного транспорта в самые отдалённые уголки города. Трудно сегодня это представить. Так что приходится только верить.

Если кто-то входил во двор Дворца пионеров с набережной реки Фонтанки, то оказывался перед выбором: открыть дверь, которая слева, или ту, которая справа. Если выбирал левую дверь, то попадал в царство техники. Голова могла пойти кругом от выбора увлечений и занятий: в одной комнате тебе предлагают стать космонавтом, в другой тебя с удовольствием научат моделировать маленькие радиоуправляемые корабли, или летающие планеры, или спортивные машинки, тоже радиоуправляемые. Дальше – больше!

В одной из мастерских собирали радиоприёмники, маленькие и большие, по которым можно было переговариваться с другими владельцами радиоприёмников. Благодаря другим радиоприёмникам можно было слушать самые разные радиостанции, включая те, которые в то время называли «вражескими», типа «Голос Америки», «Свобода», «Немецкая волна». Эти радиостанции («голоса») всячески глушили, чтобы никто не мог их слушать, потому как на этих радиоволнах постоянно клеветали на прекрасную жизнь в СССР. Заманчиво было, но пошли дальше.

А дальше – фотостудия, где обучали искусству фотографии; затем – киностудия, где на глазах изумлённых детишек снимали настоящие кукольные мультфильмы. В этот день, называемый днём открытых дверей, и Серёге дали возможность попробовать создать собственный мультфильм, двигая медленно кукол и покадрово их снимая. Дело это, конечно, интересное, но требовало много терпения, когда во имя трёхминутного сюжета с ожившими куколками приходилось тратить не менее получаса. С терпением у Серёги было сложновато.

Уставшие от хождения по многочисленным кружкам, секциям, творческим коллективам братья открыли ту дверь, которая была справа от входа во двор со стороны реки Фонтанки, который украшала скромная табличка «Художественный отдел». Впереди был длинный коридор, по которому надо было пройти прямо, а затем повернуть налево. В конце коридора был театр, куда братья и направлялись.

Серёга – несостоявшийся музыкант

Из комнат, расположенных по бокам коридора, доносились звуки различных музыкальных инструментов, красивые и не очень, типа гаммы. Братья шли и прислушивались: аккордеон... балалайка... тромбон... саксофон... скрипка... Были звуки, которые братьям не были знакомы или они не узнавали инструмент, их издававший. Иногда братья заглядывали в комнаты, чтобы посмотреть на инструмент, издававший незнакомые звуки, но путь в эти комнаты для полезного времяпровождения для Серёги, по крайней мере, был заказан.

А как Серёга всегда мечтал научиться играть на каком-нибудь музыкальном инструменте!.. В музыкальном магазине он мог часами любоваться на скрипки, гитары, флейты, баяны, аккордеоны, не говоря уже о роялях и пианино. Даже ксилофон, индейские маракасы и губные гармошки вызывали у Серёги лёгкий трепет, ведь, кроме детского бубна, он в руках ничего не держал.

В пионерском лагере он никак не мог понять, а как надо дуть в горн (такой простой сигнальный медный инструмент с широким коническим отверстием, без клапанов или других устройств), чтобы издавать более или менее приличные звуки. Но никаких приличных звуков, как он ни пытался, у него не получалось. Барабан Серёга не воспринимал как музыкальный инструмент.

Понимая, что исполнение своих желаний есть его личное дело, Серёга ещё в третьем классе пошёл на конкурс отбора учеников на курсы игры на аккордеоне. Конкурс проходил прямо в школе, где он учился, то есть во второй школе, рядом с улицей Верности. Вся суть состояла в том, что эти курсы были бесплатные, то есть денег платить за курсы не надо было, если тебя отбирают! Это очень радовало Серёгу. В семье поддерживали только бесплатные инициативы.

В классе сидел пожилой дядя с аккордеоном. Он попросил Серёгу присесть и далее заставлял выполнять не очень понятные для Серёги задачи. Постучал дядя по парте пальчиками: повтори, что я настучал. Затем просил пропеть, что он сыграл на аккордеоне. Серёге показалось, что он очень понравился преподавателю. Преподаватель не возражал. Он одобрил кандидатуру Серёги на бесплатные курсы, сказав при этом, что у Серёги есть слух и очень хорошие эмоциональные задатки.

Серёга нашёл в словах дяди с аккордеоном подтверждение того, что он настоящий музыкант. Довольный прибежал домой:

– Мама! Ура! Мне сказали, что я талантливый! Я могу учиться бесплатно! Я буду играть на аккордеоне!

– Неужели? – спросила мама недоверчиво. – Ты понравился преподавателю? Прошёл прослушивание?

– Да! Он сказал, что у меня способности!

– А что нужно для обучения?

– Надо купить мне аккордеон, чтобы я мог заниматься! Это всё!

На этом обучение закончилось, не начавшись. Где взять аккордеон, когда на масло с трудом хватает? И почему одному – аккордеон, а что тогда остальным двум братьям? Чтобы Серёга не расстраивался (а он реально страдал), ему в один из праздников подарили гитару... но очень маленькую, типа гавайской укулеле. Чтобы не плакал. Но, как ни старался Серёга научиться играть на ней, пользуясь различными самоучителями, так ничего и не получилось. Впрочем, как говорится, гитара есть? Есть. Значит, желание как бы сбылось...

Именно поэтому Серёга шёл по коридору, понимая, что, как бы ни хотелось ему научиться играть на скрипке или на трубе, мечта останется мечтой, пока он не сможет само-

стоятельно покупать инструменты. Конечно, было немного обидно. Брат Андрюха этих комплексов не испытывал, и музыка скорее раздражала его.

А ведь мог стать Серёга великим музыкантом!

Серёга и театр

Братья шли по длинному коридору Дворца пионеров до самого конца, где находился Театр юношеского творчества (ТЮТ).

К своему возрасту Серёга уже знал, что такое театр. Он и с классом ходил в знаменитый ТЮЗ (театр юного зрителя), и с мамой в разные театры как на детские, так иногда и на взрослые вечерние спектакли. Мама считала себя театралкой, а возможно, и мечтала об артистической карьере. В студенческие годы играла в университетском театре, занималась сценической речью, собирала открытки знаменитых актёров, хорошо знала ленинградских театральные режиссёров и, естественно, ленинградские театры. Более того, у неё были подруги-администраторы, которые доставали билеты на самые дефицитные спектакли, и, если идти было не с кем, мама брала Серёгу. Хотя, возможно, и специально брала Серёгу, потому как он был благодарным зрителем.

Есть сомнения, что Серёга, открывая двери Театра юношеского творчества, знал о истории и славе этого детского театра. Как обычно, с мамой предварительно не советовался. А между тем, ТЮТ в семидесятых годах был известным и легендарным местом, каким является и по сей день, только понимание этого приходит поздно.

Основан он был, когда Серёги ещё и в задумке не было, в 1956 году, 22 апреля, то есть в день рождения В. И. Ленина, хотя никакого отношения к сути это не имеет. Основателем театра был легендарный человек Дубровин Матвей Григорьевич. Он создавал театр не просто как кружок детской театральной самодеятельности, в котором маленькие существа умиляли взрослых своей непосредственностью на сцене, а как коллектив трудяг и единомышленников, где каждый член команды был непосредственно причастен к процессу создания театрального действия. Легендарным ТЮТ был и есть хотя бы по той причине, что большое число самых видных ленинградских режиссёров и актёров свою сценическую биографию начинали именно с ТЮТа. А среди них режиссёры Лев Додин, В. Фильштинский, Сергей Соловьёв, Рудольф Кац, актёры С. Ландграф, Б. Смолкин, А. Галибин, А. Краско, Н. Фоменко и многие другие.

Умер Матвей Григорьевич Дубровин в 1974 году, и Серёга буквально застал его последние месяцы работы в ТЮТе.

Впрочем, когда братья появились в ТЮТе, они и понятия не имели ни о легендарном основателе, ни о великих выпускниках ТЮТа, они оказались там почти случайно. Пришли, а там очередной набор. Надо прочитать отцу-основателю ТЮТа и его коллегам какие-нибудь стихи. И не просто прочитать, а выйти на сцену и встать под софиты и прожектора. Сцена и зал были, конечно, не очень большими, так и братья тоже были маленькие. Серёга понял, что одно из его желаний уже сбылось, потому он был весьма вдохновлён. Что он читал, естественно, не помнит, хотя это и был первый в его биографии творческий конкурс, коих потом в его жизни было немало.

Судя по всему, у старшего братца оказались проблемы с творчеством, о чём ему взрослые люди и сказали. Братец не расстроился и побежал в другое здание, в «Отдел технического творчества», вроде бы в фото-киностудию и одновременно куда-то ещё. А Серёга остался в ТЮТе, то есть его взяли после ещё пары прослушиваний.

Атмосфера, в которую погрузился Серёга, была удивительной для него. Он даже не догадывался, что может быть для кого-то интересен и кому-то полезен. Там было так комфортно, что он уже стал забывать о том, что весит тридцать килограмм, а рост его – «метр с кепкой». Более того, эти, казалось бы, недостатки превращались в его достоинства. Было ощущение, что его все любят.

Главный режиссёр, он же руководитель-директор театра Евгений Юрьевич Сазонов, только приступивший к своим обязанностям после смерти создателя театра Матвея Дубро-

вина в 1974 году, создавал необычайный, удивительный климат среди участников ТЮТа. С самого первого дня создания театра в далёком 1956 году было принято, что маленькие артисты не должны ограничивать свою творческую активность сценой. Аплодисменты, софиты, цветы, восхищение не всегда полезны молодому, подрастающему организму. Потому главное – не столько успех на сцене, сколько то, как тебя воспринимают твои товарищи по театру. А в театре надо было трудиться. Каждый маленький артист должен был получить вторую «профессию», которых предлагалось немало. Например, мастером поделочного или монтажного цеха, мог стать гримёром, костюмером или бутафором, осветителем или звукооператором, а мог с первого дня стать администратором в зрелищном цехе или даже помощником режиссёра. А совместный труд, как известно, сближает.

Кроме того, сближали и совместные гастроли (даже в рамках города), поездки с концертами, песни под гитару – это всё настолько захватывало, что не чувствовалась разница в возрасте у детей и взрослых наставников, которые совсем недавно сами были детьми.

Серёге на первых порах ролей особых не давали – некоторых зверюшек в сказках играл, поэтому отдушиной стала вторая «профессия». Серёга выбрал осветительское мастерство. «Светить всегда! Светить везде!»

Серёга испытывал необычайное наслаждение, когда ему доверяли поруководить хотя бы одним прожектором, а тем более повертеть пистолетом – самым сложным и ответственным осветительным прибором, предназначенным для высвечивания узким и сильным световым пучком отдельных актёров и части декораций. Удовольствие, которое испытывал Серёга, было, видимо, связано с огромной ответственностью и очевидно зримым результатом труда. Представляете, если луч пистолета попадёт не на того артиста? Потому ещё большее удовольствие Серёга испытывал, если ему позволяли посидеть за пультом управления светом. Конечно, не самому, а в сопровождении, но «порулить» давали. Как уже говорилось, зал во Дворце пионеров у ТЮТа был маленький, человек на семьдесят, но место для осветителя всегда находилось.

Однажды главный режиссёр Евгений Юрьевич Сазонов, который уже стал для Серёги не просто наставником и авторитетом, но и тем мужчиной, влияния которого Серёге не хватало по объективным причинам, дал ему, двенадцатилетнему подростку, возможность выйти перед антрактом на огромную сцену Театра Народного творчества, который находился на улице Рубинштейна, дом тринадцать, в спектакле со странным названием «Трактор». Миссия у Серёги была ответственная – надо было выйти в конце первого акта на сцену, протереть тряпкой декорации и даже произнести несколько слов: «Антракт. Спасибо!». Очень понравилась Серёге эта роль. Это же надо было сыграть! С тряпочкой! Он очень старался – всё-таки свет прожекторов, рампа, софиты... Во Дворце пионеров такого не было. Но... очень роль эта была короткой, а потому один раз, когда после спектакля шли вместе с Евгением Яковлевичем, Серёга предложил свои актёрские услуги в выходе на сцену несколько раз: перед началом спектакля, перед антрактом и в конце спектакля... Евгений Яковлевич ценил каждого маленького артиста и, наверное, даже эту «роль» Серёге дал потому, что других крупных выходов на большую сцену у него не было. Но постоянные выходы Серёги на сцену явно не вписывались в концепцию спектакля, и Серёгины инициативы не были одобрены. А потому в те дни, когда спектакль игрался в Театре Народного творчества, Серёга гордо выходил на сцену, но один раз – перед антрактом. И именно на этого Серёгу-артиста приходили смотреть мама и братья.

ИЗ БУДУЩЕГО И ИЗ ВЕЧНОГО

Однажды Серёга сел в троллейбус на Невском проспекте. Было ему уже за пятьдесят. Вдруг услышал, как его окликают: «Серёга?!» Он оглянулся, присмотрелся и увидел Евгения Юрьевича Сазонова. Человек, у которого, наверное, тысячи воспитанников, узнал и признал одного из не самых лучших своих питомцев, постаревшего лет на тридцать пять... Удиви-

тельно! Такие люди – большая редкость в нашей жизни, и счастливы те, кому повезло с ними встретиться. Серёге же повезло в том, что эта встреча дала ему возможность поблагодарить своего первого творческого наставника лично. Но и в этой книге он просил меня выразить Евгению Юрьевичу особые слова признательности, подтвердив ещё раз, что он всегда будет помнить огромный вклад ТЮТа и его руководителя в свою судьбу.

Предательство театра во имя славы на голубом экране

С ТЮТом Серёга, на мой взгляд, поступил неприлично.

Во-первых, он периодически бегал подхалтурить на киностудию «Ленфильм». Там его лицо в виде фотокарточки и краткая справка находились в актёрском отделе. Лицо его никого не интересовало, а вот голос представлял интерес. Потому частенько вызывали его дублировать иностранных мальчишек в фильмах – в основном, эпизодические роли – или принять участие в массовом озвучивании. При этом, безусловно, главное удовольствие было в самом процессе дубляжа. Смотреть на экран и пытаться попадать в артикуляцию героя и передавать интонации героя было увлекательно. По мере того, как он набирался опыта, увеличивалось количество приглашений. Иногда приходилось работать до поздней ночи, и домой его отправляли на такси. Но кроме удовольствия, на «Ленфильме» платили деньги, и мама с периодичностью раз в месяц ходила вместе с Серёгой за ними в кассу. Деньги семье были нужны. Но на аккордеон или балалайку никто не откладывал – нужны были трусы, носки, так как эти предметы туалета донашивать за старшим братом было сложно.

А в ТЮТе была дисциплина, и постоянно отпрашиваться на «Ленфильм» становилось всё сложнее.

Во-вторых, когда ему исполнилось четырнадцать лет, он узнал, что при Ленинградском телевидении есть детская студия и что дети, туда попавшие, постоянно снимаются в детских программах, которые показывают по настоящему телевизору. Чёрно-белый телевизор у Серёги дома был. И этот ребёнок, Серёга, вдруг подумал, что телевизионная популярность круче театральной! Если к этому добавить, что и театральной популярности особой у Серёги не было, то, возможно, выбор был вполне оправданным.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.